

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись   инициалы, фамилия
« ____ »   _____ 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

профиль подготовки 41.03.05.01 Международные отношения и внешняя
политика

Политика "мягкой силы" США в странах Ближнего Востока в XXI веке

Руководитель

_____
подпись, дата

профессор, д.и.н
должность, ученая
степень

Е.В. Мороз
инициалы, фамилия

Выпускник

_____
подпись, дата

И.П. Серышев
инициалы, фамилия

Красноярск 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Методико-теоретический анализ понятия «мягкая сила».....	8
1.1 История разработки концепции «мягкой силы», ее сущность и содержание.....	8
1.2 «Мягкая сила», ее факторы и инструменты	15
1.3 Основная идея американской концепции «мягкой силы»	22
Глава 2. Реализация «мягкой силы» США в странах Ближнего Востока	30
2.1 «Мягкая сила» США в Республике Ирак	30
2.2 «Мягкая сила» США в Сирийской Арабской Республике	35
2.3 Реализация «мягкой силы» США в Арабской республике Египет	39
2.4 «Мягкая сила» США в Турецкой Республике	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	59

Введение

Актуальность исследования проводимой политики «мягкой силы» США на Ближнем Востоке на современном этапе можно определить широким спектром факторов и тенденций глобального развития. Со стремительным развитием глобализации и технологий, мировое сообщество постепенно выходит на новый уровень международных отношений. Так же одновременно с развитием глобализации и технологий, происходит процесс объединения региональных акторов международных отношений, основной задачей которых является решение общих региональных проблем. Демонстрация «мягкой силы» Соединенных Штатов Америки не только в регионах Ближнего Востока, но и во всем исламском мире привела к резкому возрастанию политической и военной напряженности. Развивающиеся в регионе конфликты стимулируют миграционный кризис в странах ЕС, вовлекают в себя Российскую Федерацию (что грозит ростом напряженности между двумя обладающими ядерным потенциалом государствами), ставят под сомнение гегемонию США в мировых политических процессах. В этой связи

закономерный интерес вызывает инструментарий «мягкой политики» США, потенциал ее применения в регионе. Так сложилось, что США являются тем государством, которое занимает первенство в вопросах использования «мягкой силы». По мнению автора, изучение опыта применения «мягкой силы» США в регионе позволит повысить уровень осведомленности о технологии рассматриваемого способа внешней политики, а также более внимательно изучать и оценивать возможные угрозы со стороны «мягкой силы» США для Российской Федерации и стран, которые непосредственно входят в зону контроля Российской Федерации. Высокий интерес современная политика «мягкой силы» США в регионе представляет в контексте влияния США на мусульманские страны региона СНГ, где

интересы РФ и США могут соприкасаться с куда более высокой интенсивностью, чем на Ближнем Востоке.

Так как Египет, который находится в Северной Африке тоже считается частью региона Ближнего Востока, автору работы представляется уместным включить эту страну в данную работу.

Гипотеза исследования состоит в следующем: политика «мягкой силы» во внешней политике США диверсифицирована. В отношении некоторых из развивающихся стран Ближнего Востока США используют комплекс инструментов «мягкой и жесткой» силы («умную силу», «smart power»). Выбор данной совокупности инструментов внешней политики США обусловлен двумя определяющими факторами: относительно более низкое влияние на некоторые страны тенденции вестернизации в рамках глобализации (по причине религиозного характера, неравномерного распространения доступа к сети Интернет как проводнику информационной составляющей «мягкой силы») и относительно более высокие возможности применения политики «жесткой силы» по отношению к странам региона.

Научная новизна исследования заключается в разработке автором работы собственной точки зрения по составу факторов «мягкой силы» с отнесением к ним интенсивности развития глобализации и сопряженных с ней процессов (в том числе американизации, вестернизации), включая процессы информатизации, развития интернет технологий и т.п.; степени развития средств массовой информации, включая средства интернет; наличия у государства органов власти, специализированных на применении инструментов «мягкой силы»; миграционных процессов (включая диаспоры на территории всех сторон «мягкой силы», а также носителей культуры); языкового барьера.

Объектом исследования выступает политика «мягкой силы» как совокупность частных инструментов внешней политики, опирающихся на достижение внешнеполитических интересов государства методами, отличными от военного принуждения.

Предметом исследования выступает реализация политики «мягкой силы» США на территории отдельных стран Ближнего Востока.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с введения понятия «мягкой силы» Дж. Наем в 1990 году, по 2021 год.

Целью исследования является комплексный анализ «мягкой силы» во внешней политике США в странах Ближнего Востока, выявление её особенностей, инструментов и технологии.

Достижение поставленной цели в работе осуществляется посредством решения следующих исследовательских **задач**:

- дать характеристику сущности концепции «мягкой силы», изучить историю разработки понятия, его сущность и содержание;
- выявить и обобщить факторы и инструменты «мягкой силы»;
- проанализировать особенности американской политической стратегии «мягкой силы»;
- дать характеристику реализации стратегии «мягкой силы» США в Арабской республике Египет;
- дать характеристику реализации стратегии «мягкой силы» США в Республике Ирак;
- дать характеристику реализации стратегии «мягкой силы» США в Сирийской Арабской Республике;
- дать характеристику реализации стратегии «мягкой силы» США в Турецкой Республике.

Методология исследования включает в себя методы анализа и синтеза, обобщения и систематизации. Также применяются методы контент анализа, метод аналогий и другие. Методология данного исследования соединяет теоретические и практические проблемы с междисциплинарными, общенаучными задачами, включая вопросы экономической, политической и социальной, а также в общем случае мировоззренческой ориентации. Это объясняется масштабом исследования от общих вопросов теории «мягкой силы» к специальной проблематике прикладного характера.

Практическая значимость: исследования заключается в возможности использования полученных в данной дипломной работе наработок для проведения со студентами в рамках дисциплин, связанных с теорией международных отношений цикла семинаров по проблемам геополитики, современной политики США и при ознакомлении с концепцией «мягкой силы».

Степень изученности темы. Важными для раскрытия темы работы и понимания анализируемых проблем являются труды Е.М. Астафьевой, Ю.П. Давыдова, А.Г. Дугина, Л.И. Истягина, А.А. Казанцева, В.М. Капицына, М.М. Лебедевой, В.Н. Меркушева, Г.Ю. Филимонова и др.

Структура работы обусловлена целью, задачами исследования и включает в себя введение и заключение.

Глава 1. Методико-теоретический анализ понятия «мягкая сила»

1.1 История разработки концепции «мягкой силы», ее сущность и содержание

Концепция «мягкой силы» является относительно новым явлением, описывающим тенденции развития внешней политики государств. Ее возникновение относят к началу 1990-х гг. и связывают с работами Дж. Най, который описывает «мягкую силу» как способность достижения целей с использованием механизмов притяжения, нежели механизмов принуждения или платежей («the ability to get what you want through attraction rather than coercion or payment»¹), непрямым методом осуществления власти². Учитывая относительную историческую молодость данного термина, дискуссии вокруг него продолжаются как в зарубежной литературе, так и в русскоязычной. Более того, сам автор термина «мягкая сила» продолжает развитие своих идей в более поздних работах³.

Отечественные исследователи, такие как: Михалев А.В., Русакова О.Ф., таким образом, оказываются в ситуации необходимости, с одной стороны, анализа современных мировых тенденций изучения «мягкой силы», а, с другой стороны, в условиях необходимости разработки собственных положений, описывающих рассматриваемый феномен. Подобная ситуация неизбежно приводит к формированию спорных суждений, влиянию на результаты исследования лингвистических барьеров, декларации множества определений терминов, появления различных течений в рамках базовой концепции. Так, в отечественной историографии существует целый ряд подходов к интерпретации феномена «мягкой силы»: силовой,

---

¹ Nye J. S. Soft power //Foreign policy. – 1990. – №. 80. – С. 153-171.

² Joseph Nye, Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. 222 p.

³ Nye, Jr., Joseph. (2004) "Soft Power: The Means to Success in World Politics" New York Public Affairs; Nye, Jr., Joseph and Armitage, Richard L. Hon. (2008, April 24). "Implementing Smart Power: Setting an Agenda for National Security Reform". Committee on Foreign Relations United States Senate. Second Session; Nye, Joseph Jr. (2011) "The Future of Power" Public Affairs, New York.

инструментальный, технологический, конструктивистский, ресурсный, коммуникативный, манипулятивный и другие⁴.

Во многих источниках развитие концепции «мягкой силы» связывают с работами Дж. Най, предложившего этот термин в начале 1990-х гг. для описания приемов внешней политики, не относящихся к силовому принуждению стран к совершению необходимых действий (т.н. «жесткая сила»). Связывать появление концепции «мягкой силы» исключительно с работами Най, на взгляд автора работы, не в полной мере корректно. В истории политических наук в первой трети XX в. была сформулирована концепция «культурно-идеологической гегемонии» в рамках концепций культурного империализма (М. Фуко, Э. Саид, Г.Ч. Спивак, А. Грамши). Данная концепция описывала практику (либо активную, либо осуществляющуюся по причине неорганизованной и неуправляемой трансляции ценностей общества) продвижения, выделения и искусственного привнесения культуры одного общества (обычно более экономически и социально развитого) в другое. Отдельные положения применения инструментов достижения внешнеполитических целей невоенными средствами (*nonviolent action*) были сформулированы еще в 1970-е гг. Дж. Шарпом⁵. Причем речь идет именно о технологическом выражении отличных от политики «жесткой силы» действий государств, а не о философских или же политологических измышлениях. Учитывая, что впоследствии труды Дж. Шарпа сформировали позицию США в вопросах внешней политики по отношению к ряду государств, можно считать концепцию «мягкой силы» исторически свойственной внешнеполитическим отношениям стран мира.

Таким образом, за Дж. Найем можно признать авторство термина «мягкая сила», попытки размежевания «мягкой» и «жесткой» силы в контексте инструментов внешней политики государств, а также анализ

---

⁴Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель – Observer. 2015. №2. С.80 – 89.

⁵Sharp G. 198 methods of nonviolent action //The politics of nonviolent action. 1973. 24 p.

проводимой рядом стран внешней политики в контексте использования инструментов «мягкой силы». С некоторым допущением можно считать, что Дж. Най предпринял попытку обобщения несистематизированного многолетнего опыта реализации «мягкой силы», что и позволяет рассматривать его как одного из авторов концепции «мягкой силы» для описания исторически свойственных мировой политической системе инструментов, а также объективных процессов развития мирового общества.

Рассмотрим далее подходы к определению сущности политики «мягкой силы» в работах русскоязычных авторов:

- Историк А.О. Наумов определяет термин «мягкая сила» как совокупность государственных гуманитарных ресурсов, которые используются с определенными политическими технологиями для решения конкретных задач на мировой арене⁶;

- Политолог Е.П. Зарьянов определяет мягкую силу как сложную систему, позволяющую государствам решать тактически и стратегически важные задачи на международном уровне, что находит свое отражение в официальном и неофициальном лидерстве и возможном сочетании внешних и внутренних факторов государства. Эффективное использование мягкой силы, как инструмент влияния на мир⁷;

- Доктор политических наук О.Ф. Русакова считает, что «мягкая сила» проявляется через активацию стереотипов общественного восприятия, которые вызывают архетипические образы и коллективные идеи⁸. Автор считает, что все вышеперечисленные определения дополняют друг друга и в полной мере раскрывают понятие «мягкая сила» и выводит термин, который обобщает все вышеперечисленные утверждения: «мягкая сила» - это способность государства или другого субъекта достигать определенных

---

⁶ Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» / Российский журнал правовых исследований. 2016. №1. С.73-86.

⁷ Зарьянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // Мировая политика. 2015. № 1. С. 89-122.

⁸ Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. № 10. С. 173–192.

политических целей, основанных на общественной привлекательности предлагаемых моделей жизни, культурных моделей и социальных инноваций, которые требует общественность.

Совокупность теоретических подходов к определению сущности «мягкой силы» решено было дополнить правовым подходом. Предполагается, что в условиях повышения угроз национальным интересам государств со стороны (потенциально недружелюбно направленных) инструментов «мягкой силы», в национальных правовых системах будет закреплено как само понятие «мягкой силы», так и совокупность ее проявлений. Это предположение базируется на необходимости легализации любого явления с целью последующего включения его в спектр государственных решений.

Учитывая многообразие подходов к определению сущности «мягкой силы», а также динамизм развития концепции, отсутствие ее окончательной формализации, решено сконцентрировать внимание не на попытке выработать универсальное определение сущности политики «мягкой силы», а на выделении атрибутов этого феномена международных отношений. Значимыми аспектами рассмотрения концепции «мягкой силы» решено считать:

- разделение терминов «мягкая сила» и «политика мягкой силы». Автору работы представляется верным использование этих терминов для описания различных объектов: «мягкой силы» для потенциала влияния, а «политики мягкой силы» для описания технологии влияния государства на международные или национальные процессы. В этом отношении верным видится подход, описывающий «мягкую силу» как совокупность гуманитарных ресурсов государства в определении А.О. Наумова. При принятии решения об использовании этих ресурсов, в свою очередь, можно говорить о реализации политики «мягкой силы». Подобное понимание «мягкой силы» позволит расценивать их как объект развития и анализа, а в

отношении политики «мягкой силы» выявить используемые в ее рамках инструменты и технологии;

- понимая под государственной политикой деятельность органов государственной власти и государственного управления, рациональной рассматривать политику «мягкой силы» с процессной точки зрения. Подобный взгляд на рассматриваемую концепцию позволяет выявлять субъекты этой деятельности, ее объекты (объекты воздействия с использованием «мягкой силы»), цели и задачи, технологию и инструментарий;

- в рассмотрении политики «мягкой силы» рекомендуется выделить узкий и широкий подход ее трактовке. Узкому подходу соответствует рассмотрение ее исключительно как деятельности органов власти отдельного государства в отношении другого государства, широкому - развитие совокупности гуманитарных ресурсов государства вне государственной системы;

- процессный подход к рассмотрению концепции «мягкой силы» формирует исследовательскую проблему: стоит ли считать проявлением политики «мягкой силы» распространение культурных ценностей одного государства на территории другого. Процессы этого распространения широко описаны в рамках концепций культурного империализма, являются объективным следствием процессов глобализации. Однако эти процессы могут происходить без участия явно нацеленных на распространение культурных ценностей политических субъектов. Содержательно это означает исключение из процессного описания концепции «мягкой силы» органов государственной власти и государственного управления как субъекта политики. Решить эту исследовательскую проблему предлагается разделением политики «мягкой силы» на активную и пассивную (не имеющую целевой направленности в данный конкретный момент в виде воздействия на определенную национальную систему или их группу).

Выделяя конструктивные и деструктивные цели политики «мягкой силы», можно описать две группы целей стратегии «мягкой силы» государства⁹:

- разрушение системы государственного и военно-политического управления страны, на которую направлена политика «мягкой силы», поражение экономической активности, подрыв духовной и социальной жизни страны;

Дискуссионным вопросом рассмотрения сущности политики «мягкой силы» выступает целенаправленность использования частных инструментов «мягкой силы» с точки зрения государственной политики. К примеру, неограниченная трансляция культурных образов и ценностей западного (в том числе – американского) мира в теле-, видео продукции, сложно назвать целенаправленной деятельностью специально сформированных структур, задачей которых является реализация политических решений. Авторская позиция по данному вопросу состоит в возможности выделения активной и пассивной политики «мягкой силы», где активная является результатом целенаправленных действий политических субъектов, а пассивная – отражением объективных процессов интеграции и глобализации, взаимопроникновения культур. Разумеется, оба эти направления взаимосвязаны и могут усиливать эффективность друг друга, а отнесение объективных процессов глобализации и интеграции к спектру политических решений может быть оспорено. С другой стороны, аргументировать авторскую позицию можно выдержкой из состава целей и задач государственной культурной политики РФ. В регламентирующем данную политику Указе Президента РФ выделены угрозы в форме девальвации общепризнанных ценностей и искажения ценностных ориентиров, а в состав задач культурной политики включены¹⁰:

---

⁹ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. 2014. № 4. С. 86–93.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»

- поддержка за рубежом сети государственных и общественных учреждений, касающихся русского языка и русской культуры;
- поддержка деятельности общественных организаций и объединений русскоговорящих граждан в зарубежных странах;
- расширение межгосударственного сотрудничества в области образования на русском языке в зарубежных странах и изучения русского языка как иностранного;
- прочие.

По своему содержанию выделенные выше задачи государственной культурной политики РФ могут быть представлены как затрагивающие совокупность гуманитарных ресурсов государства, которые в свою очередь могут быть направлены на достижение целей внешней политики в комплексе инструментов «мягкой силы». При этом, реализация данных задач осуществляется специализированным политическим субъектом (органом исполнительной власти – Министерством культуры Российской Федерации), на основании нормативно-правовых актов. Таким образом, по своему содержанию деятельность в сфере культурной политики можно считать проявлением «мягкой силы» (реализуется специализированным политическим субъектом, имеет цели и задачи, направленные на развитие совокупности гуманитарных ресурсов государства вне государственной системы), хотя она напрямую и не обозначается как средство достижения внешнеполитических целей и задач государства.

1.2 «Мягкая сила», ее факторы и инструменты

Вопрос классификации факторов и инструментов «мягкой силы» достаточно фрагментарно освещен в исследовательской литературе, а методологическая база по рассматриваемой проблематике попросту не сформирована. Отдельные методологические вопросы применения инструментов «мягкой силы» изучены в работах Дж. Шарпа¹¹, однако систему определяющих эффективность этих инструментов Дж. Шарп не анализирует. В отдельных исследованиях факторами «мягкой силы» расценивают:

- кинематограф¹²;
- национальную систему здравоохранения¹³;
- спортивные мероприятия¹⁴;
- туризм (в том числе образовательный¹⁵);
- логистические проекты¹⁶;
- диаспоры за рубежом¹⁷;
- культуру¹⁸;
- имидж государства¹⁹;

---

¹¹ Sharp G. 198 methods of nonviolent action //The politics of nonviolent action. – 1973; Sharp G. From dictatorship to democracy: A conceptual framework for liberation. – The New Press, 2012.

¹² Тетерюк А.С. «Мягкая сила»: фактор кинематографа // Международная аналитика. 2014. № 2 (8). С. 170-177.

¹³ Мазин П.В. Здравоохранение как структурный фактор суверенитета и «мягкой силы» / В сборнике: Проблема суверенности современной России Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Центр научной политической мысли и идеологии. 2014. С. 345-350.

¹⁴ Grix J., Houlihan B. Sports mega-events as part of a nation's soft power strategy: the cases of Germany (2006) and the UK (2012) //The British journal of politics and international relations. 2014. Т. 16. №. 4. С. 572-596.

¹⁵ Матвеевская А.С., Погодина В.Л. Образовательный туризм как фактор «мягкой силы» в международных отношениях / В сборнике: Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом Материалы III Международной научно-практической интернет-конференции. Ответственный редактор О.А. Лях. 2016. С. 374-395.

¹⁶ Сафронова Е.И. Проект «один пояс, один путь» - комплексный фактор «мягкой силы» Китая / В сборнике: Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС Москва, 2017. С. 60-77.

¹⁷ До М.К. Внешние факторы повышения «мягкой силы» Китая / В книге: «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт Дальнего Востока Российской академии наук". Москва, 2015. С. 146-165.

¹⁸ Звягина Д.А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2012. - № 11-2. - С. 94-98.

- семиотику (науку о символах и знаках)²⁰;
- язык²¹;
- многое другое.

Говорить о каком-либо системном или, тем более, общепризнанном взгляде на факторы «мягкой политики» не приходится. Ряд работ в области культурного империализма рассматривает факторы его развития, но напрямую ассоциировать культурный империализм с «мягкой» силой не вполне корректно.

Е.П. Зарянов выделяет культурный, информационный и образовательный факторы как ключевые аспекты содержательной категории «мягкая сила»²², комплексно сочетающей культурные инструменты с информационно-пропагандистскими, образовательными, полит-технологическими и другими средствами непрямого управления, как внешней политикой, так и глобальными процессами. В современных международных отношениях «мягкая сила» представляет собой не только пропаганду, она скорее представляет уникальный исторический феномен, подчеркивающий тот факт, что государство-центричная вертикальная модель управления мировым порядком постепенно отходит на второй план, передавая «пальму первенства» различным сетевым структурам, обладающим средствами убеждения планетарного масштаба.

О.Г. Леонова выделяет две группы факторов, формирующих «мягкую силу»²³:

---

¹⁹ Голобородько А.Ю., Сериков А.В. Дискурс «мягкой силы» в контексте конструирования имиджа современной России: факторы и технологии формирования конкурентной идентичности // Гуманитарий Юга России. - 2015. - № 4. - С. 41-50.

²⁰ Рыбакова М.Г. Символы и знаки как фактор мягкой политической силы в процессе воздействия на общественное сознание // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. - 2015. - Т. 210. - С. 215-222.

²¹ Ковалевская Н.В. Роль испанского языка как «мягкой силы» во внешней политике Испании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5-2. С. 141-145.

²² Зарянов Е.П. Теоретические социально-политические основы концепта «мягкой силы» // ВВ: Проблемы общества и политики. - 2014. № 7. С. 19-41.

²³ Леонова О.Г. "Мягкая сила", её индикаторы и инструменты измерения // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2017. Т. 2. № 2. С. 15-23.

- материальные факторы (товары, услуги, капиталы, технологии и т.д.).

Материальными носителями «мягкой силы» являются: кафе и рестораны национальной кухни; произведения искусства; одежда и обувь; предметы прикладного искусства; автомобили национального производства; космические корабли и ракетносители; продукты питания (кофе, вино); культурные центры и множество других носителей национальной идентичности;

- нематериальные факторы (религия, философия и вытекающие из них духовные ценности, идеалы, культура, искусство и др.).

Учитывая многообразие и отсутствие единой общепринятой позиции по составу факторов «мягкой силы», мы предлагаем рассматривать их в двух аспектах:

- первый аспект рассмотрения: факторы, характеризующие потенциал «мягкой силы» национальной системы. Другими словами, гуманитарные ресурсы (включающие культуру в широком смысле, историю, социальные системы (включая образование, здравоохранение) и политические системы государства расцениваются как факторы влияния;

- второй аспект рассмотрения: факторы, характеризующие потенциал трансляции «мягкой силы» национальной системы. Эти факторы определяют возможность использования потенциала «мягкой силы» национальной системы. К примеру, обладающая гораздо более продолжительной историей Япония оказывает гораздо более низкое влияние на ход мировых процессов, чем США, история которой менее продолжительна. Аналогично страны Северной Европы – при высокой степени развития социальной системы (исторически эти страны лидируют в рейтингах качества жизни) не оказывают значительного влияния на ход мировых политических и иных процессов. Эти особенности формируют вопрос о том, что же определяет влияние «мягкой силы» государства. Именно второй аспект рассмотрения факторов «мягкой силы» предполагается рассмотреть в работе.

К факторам «мягкой силы», определяющим способность осуществления политики «мягкой силы», мы предлагаем отнести:

- интенсивность развития глобализации и сопряженных с ней процессов (в том числе американизации, вестернизации), включая процессы информатизации, развития интернет технологий и т.п. Именно интернет коммуникации в настоящее время выступают основным проводником потенциала «мягкой силы» любого государства;

- степень развития средств массовой информации, включая средства интернет. Предположительно, именно глобализация средств коммуникации выступила инфраструктурным обеспечением политики «мягкой силы» в ее целенаправленном и пассивном вариантах, обеспечив неограниченное распространение культурных образов, доступ к информации, каналы коммуникации;

- наличие у государства органов власти, специализированных на применении инструментов «мягкой силы»;

- миграционные процессы (включая диаспоры на территории всех сторон «мягкой силы», а также носителей культуры);

- языковой барьер. Предполагается, что, чем более универсальным и распространенным является язык государства, тем выше возможности трансляции «мягкой силы». При этом наиболее распространенным в мировых коммуникационных процессах является именно английский язык (частично это определяет успехи политики «мягкой силы» США по трансляции культурных ценностей).

Одним из факторов «мягкой силы» можно считать степень развития средств массовой информации, включая средства интернет. Важно понимать, что сами средства массовой информации и средства интернет выступают лишь проводником действий в области «мягкой силы», технологическим каналом донесения сообщений, культурных образов каналом или

коммуникации, но не фактором политики «мягкой силы»²⁴. Фактором «мягкой силы» выступает степень доступа объекта воздействия к телекоммуникационным сетям (к примеру, обеспеченность населения телекоммуникационными услугами), способность правительства стран воздействовать на этот уровень доступа.

Несложно заметить, что в процессах развития так называемых «цветных революций» особую роль сыграли средства массовой коммуникации и средства интернет. С одной стороны, они выступали техническим средством коммуникации оппозиционно настроенных групп (или же средством выражения позиции угнетенных групп населения – вопрос точки зрения на процессы), с другой – способом информирования населения о наличии альтернативных способов развития общественных процессов. Логичны в этой связи и действия правительств государств, направленные на усиление подконтрольности средств массовой связи, средств Интернет как реакция на действия в формате «мягкой силы». К примеру, в государствах Ближнего Востока и правительством за последние 10 лет явно выработан курс на ограничение свободы средств массовой информации. Это и является попыткой воздействия на фактор, определяющий эффективность «мягкой силы». Попытка использовать средства массовой информации для влияния на общественное мнение в результате привела к ограничению потока информации, проходящего через средства массовой информации. Анализ множества методов по проблемам контроля со стороны государственных лиц над функционированием отдельных медиа выявил следующие проявления ограничения возможностей социальных сетей в части воздействия на политические и социальные процессы (включая политическую конкуренцию):

- полное блокирование тех или иных СМИ в информационном поле страны (так, на территории КНР с 2009 г. была введена блокировка Facebook,

---

²⁴ Костарева Е.А. СМИ как фактор «мягкой силы» США // Перспективы науки. 2011. № 2 (17). С. 57-60.

Twitter, впоследствии ограниченно снятая²⁵; в Королевстве Саудовская Аравия в 2010 г. была заблокирована сеть Facebook, в 2013 г. – Viber; в Исламской Республике Иран Facebook, Twitter, MySpace, Flickr и YouTube были официально запрещены после неудавшейся демократической революции в 2009 году; Турция в 2014 г. ограничила действие на своей территории информационной сети Twitter).

Говоря об инструментари «мягкой силы» необходимо отметить, что формальный основатель концепции Джозеф Най определяет «мягкую силу» как производное трех составляющих:

- культурная составляющая страны (тех ее элементов, которые могут быть привлекательны для других);
- политических ценностей государства;
- внешней политики государства.

Подобный подход представляет возможность отнесения к инструментам «мягкой силы» всех без исключения гуманитарных и научных ресурсов государства. Выделяется подход к классификации инструментов «мягкой силы» по направленности. К примеру, в своей последней работе Дж. Най подчеркивает, что, как и любая другая форма власти, «мягкая сила» может обращаться как во благо, так и использоваться с плохими целями²⁶. Так, А.В. Демидов отмечает, что практику применения «мягкой силы» в зависимости от целей ее реализации, содержания и направленности применяемых технологий целесообразно разделить на два вида²⁷:

- позитивную технологию, позволяющую улучшать взаимопонимание между государствами и народами;
- орудие дестабилизации государственного управления и государства в целом, как инструмент неконституционной смены власти, нанесения

---

²⁵ Ди Ч. КНР: роль социальных медиа в диалоге общества и власти // Век информации. 2016. № 2. С. 277-279.

²⁶ Най Д. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 335 с.

²⁷ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. 2014. № 4. С. 86–93.

необратимого фатального ущерба социальному порядку государства, разрушения государства или превращения его в несостоятельное.

В качестве обобщающего вывода относительно инструментария «мягкой силы» автором предлагается следующий взгляд: любой прямо не относящийся к военному вторжению одного государства в другое инструмент в широком смысле является инструментом мягкой силы. Позиция автора исследования состоит в том, что придавать негативную либо позитивную окраску инструментам «мягкой силы» некорректно. Прежде всего, рассмотренные инструменты выступают средством, результатом применения определенных технологий. В зависимости от субъекта, эти средства и технологии применяющего, инструменты «мягкой силы» могут иметь конструктивную или деструктивную направленность.

1.3 Основная идея американской концепции «мягкой силы»

Сущность американской политической стратегии «мягкой силы», с учетом изученного материала и авторских предложений, предлагается определять как нецеленаправленное (в целом, трансляция в мировое сообщество, без конкретного адресата) и целенаправленное (состоящее в совокупности действий органов власти, характеризующихся конкретной целью использования «мягкой силы» в отношении конкретных стран или их групп) распространение гуманитарных ресурсов государства.

Преимущественно процессы глобализации отличают американскую стратегию «мягкой силы» от остальных подобных стратегий, используемых иными акторами международных отношений.

Так же можно соотнести процессы глобализации с процессами вестернизации (распространение западных ценностей и идеалов, образа мышления, а также образа жизни), с чем соглашается множество авторов антиглобалистов, которые подтверждают свое убеждение тем, что доля ВВП США в мире составляет одну пятую, а в области высоких технологий примерно одну четвертую. С. Хантингтон²⁸, А. С. Панарин²⁹, С. Г. Кара-Мурза³⁰ и др.). Глобализация нивелирует национальную самобытность народов мира и отвечает интересам крупных монополий и экономически развитых стран, в первую очередь – США³¹. Глобализация порождает и определенное «инерционное сопротивление» - антиглобалистское движение. В глобализирующемся обществе в настоящее время складывается новый мировой порядок, согласно которому на первое место выдвигается американский образ жизни. Во главу угла ставится получение прибыли, а известные человеческие ценности постепенно обесцениваются. Главная

---

²⁸ Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова / С. Хантингтон. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. – 635 с.

²⁹ Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. М.: Эксмо, 2003. 416 с.

³⁰ Кара-Мурза С. Открытость глобальному рынку: экономическая и виртуальная реальность / С. Кара-Мурза // Вестник Московского экономического института. 2000. № 1. С. 35 – 40.

³¹ Новикова А. А. Глобализация и медиаобразование// Общество. Наука. Образование. 2009. № 11. С.53.

особенность современного этапа развития процессов глобализации – претензия США на мировое господство³².

Неразрывно связана политика «мягкой силы» США с принятием на вооружение инноваций в системе массовых коммуникаций. Внимание на этот канал трансляции ценностей американским правительством было обращено в первой половине XX в., результатом чего стало создание в 1938 г. Отдела культурных связей в структуре Госдепартамента США, что было продиктовано внешними факторами – необходимостью ведения активной идеологической борьбы сначала с нацистской, а затем и советской пропагандой. Таким образом экспорт культуры приобрёл значение эффективного внешнеполитического инструмента внешней политики³³. В 1953 г. декретом президента Д. Эйзенхауэра учреждается правительственное Информационное агентство США (ЮСИА), пропаганда за рубежом возводится в ранг государственной политики. В соответствии с законом от 1 августа 1953 г. в распоряжение нового органа была передана радиостанция «Голос Америки», зарубежные библиотеки Государственного департамента, а также подразделения, ведающие прессой, производством и распространением кинопродукции. В 1978 году USIA объединилось с Управлением по образованию и культуре Государственного департамента. В 1998 году USIA стало членом Госдепартамента США. В частности, Министерство образования и культуры США инициирует и реализует различные образовательные программы, включая знаменитую программу Фулбрайта, которая предлагает стипендии врачам, исследователям, преподавателям и руководителям. В настоящее время у Государственного департамента нет нескольких программ, направленных на укрепление культурных связей с зарубежными партнерами с целью продвижения американской культуры и искусства. Государственный департамент также реализует программы, направленные на знакомство с иностранными

---

³² Дуреева Н. С. Глобализация как конструирование нового мирового порядка // Философия образования. – 2008. № 4. С. 232.

³³ Костарева Е.А. СМИ как фактор «мягкой силы» США // Перспективы науки. - 2011. - № 2 (17). - С. 57-60.

культурами и популяризацию американской культуры и искусства. Государственный департамент помогает организовывать передвижные выставки для американских художников. Государственный департамент также будет сотрудничать с Американской ассоциацией киноискусства для обеспечения независимого режиссирования фильмов, а также проведение мероприятий в коммерческих целях. Англо-американские и арабские телеканалы CNN (США), BBC (Великобритания), Аль-Джазира (Катар) и Аль-Арабия (Саудовская Аравия) играют важную роль в политике мягкой силы США в Исламском мире. Некоторые аналитики даже считают вклад ведущих СМИ в победу арабских «революций» больше заметен, чем вклад социальных сетей, таких как Facebook или Twitter. Так, главный редактор Agence France-Presse Ж. Шармело считает, что спутниковые каналы «сыграли фундаментальную роль не только в освещении этих событий, но и в становлении режимов в арабском мире. Если социальные сети мобилизовали людей на протесты и выходы на улицы, электронные спутниковые СМИ стали настоящими «структурами», которые «двигали» эти революции.³⁴

Помимо использования традиционных СМИ, Соединенные Штаты так же реализуют свои цели «мягкой силы» посредством использования социальных сетей.

Характерной особенностью американской стратегии «мягкой силы» на современном этапе выступает ее диверсификация. Несложно заметить, что выбор сочетания инструментов «мягкой силы» США неравномерен для разных стран.

Сегодня западные исследователи более предпочитают использовать термин «умная сила» вместо «мягкая сила», поскольку понятие «умная сила»

---

³⁴ Макарычев М. Проблема в неравенстве [Электронный ресурс] // Российская газета. 18.05.2011.

более корректно описывает внешнюю политику, проводимую Соединенными Штатами, т.к. оно совмещает в себе и «мягкую силу», и «жесткую силу»³⁵.

Во второй главе работы анализируется состав компонентов и факторов «мягкой силы» США в государствах Ближнего Востока. Логично в этой связи дать обобщающую характеристику специфике «мягкой силы» США в странах и Ближнего Востока. Ближний Восток, ввиду своего территориального положения (близость к основным политическим и экономическим центрам Европы и Азии), природно-ресурсному потенциалу (богатые запасы минерального сырья) исторически является центром притяжения внимания американской внешней политики. Началом активных действий США в регионе отдельные исследователи считают период 1945-1971 гг., когда после развала Османской империи в регионе противоборствовали Великобритания и Франция. Проявлениями усилия роли США в регионе в этот период можно считать встречу Президента США Ф.Д. Рузвельта и Короля Саудовской Аравии Абдель Азиза в 1945 г., создание государства Израиль (при активном содействии США) в 1948 г., сближение США с Ираном в 1941-1953 гг., неофициальное участие США в Багдадском пакте и объединении СЕНТО (1955-1979 гг.), вступление Турции в блок НАТО (1952 г.)³⁶.

Второй этап развития внешней политики США в регионе относят к 1971-1979 гг., когда позиции Великобритании в регионе окончательно ослабли и в рамках политики противостояния социалистическим объединениям государств США реализовало в регионе стратегию «опор». Этими «опорами» выступали прямо поддерживающие США государства региона, которым американская сторона оказывала военную и экономическую поддержку (Израиль, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Египет).

---

³⁵ Фролова О.А. Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 4

³⁶ Бирюков Е.С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2016. № 11. С. 85-104.

На третьем этапе модернизации своего присутствия в регионе (1979-2011 гг.) США коренным образом изменяет свою стратегию присутствия в направлении военного участия в происходящих на территории региона процессах (наблюдается сдвиг политического курса с инструментов «soft power» в направлении «hard power»). Показательно, что начало этого этапа сопровождалось с явной неэффективностью реализуемой стратегии «опор» - революция в Иране, афганская война, марксистская революция в Эфиопии, а также ряд других конфликтов в регионе продемонстрировали низкую результативность применяемых США стратегий. В результате внешняя политика США в регионе была актуализирована: были разработаны доктрина Картера (1980 г.), доктрина «конфликта малой интенсивности», политика «двойного сдерживания» (в отношении Ирака и Ирана), концепция Большого Ближнего Востока. Также в этот период США монополизируют право на прямое вмешательство в ход политических процессов в странах Ближнего Востока.

Четвертый этап внешней политики США в регионе связывают с приходом к власти в США Б. Обамы и реформированием ближневосточной политики. Сразу же после выборов Б. Обама прибегает к политике стороннего вмешательства на внутривнутриполитические процессы в странах Ближнего Востока, с чем в свою очередь связывают начало «арабской весны», выводит основной контингент ВС из множества стран (Афганистан, Катар, Ирак и т.д.). Результатом проведения такой политики стала «арабская весна», по окончании которой были свергнуты лидеры ряда арабских стран (Ливия, Тунис, Египет, Йемен).

Пятый этап внешней политики США на Ближнем Востоке связывают по большей части с наращиванием военного сотрудничества с традиционными американскими союзниками – Израилем, ОАЭ, Бахрейном, Саудовской Аравией. Основной задачей США на Ближнем Востоке в настоящий момент времени является дальнейшее недопущение

развертывания военных сил ИГ, сдерживание Ирана, а также закрепление своих позиций в Сирии и Ираке

Можно сделать вывод о том, что сейчас руководство Соединенных Штатов в регионе Ближнего Востока пытается адаптировать свою внешнюю политику, учитывая высокие финансовые расходы на непосредственное вмешательство и присутствие в других регионах, например, в АТР. В этом контексте имеет смысл пересмотреть условия использования мягкой силы в США в свете событий периода 1979–2011 годов. (поскольку «жесткая сила» явно доминировала) с учетом изменений в политическом пространстве, технологий «мягкой силы» и других факторов.

Во-первых, необходимо отметить, что подавляющее большинство стран региона относится к исламским странам, что формирует специфические особенности социальных, политических и экономических процессов. Как следствием, вектор доводимых через инструменты «мягкой силы» идей США в направлении подобных стран изначально находится в конфронтации с рядом социально-политических установок целевых государств. К примеру, активно используются такие направления распространения ценностей как равенство прав, демократия в странах исламского мира, изначально характеризующихся неравномерностью гражданских прав и свобод. Так, в продвижении своих интересов на Ближнем Востоке США активно использовалась медиа продукция в отношении женской аудитории - было создано несколько десятков теле- и радиопрограмм, вещавших для женской аудитории³⁷. По аналогии с данным направлением трансляции ценностей, «мягкая сила» США в исламском мире оперирует конфликтами между потребностями общества в демократии и неработоспособностью в исламских странах отдельных демократических механизмов.

---

³⁷ Rugh W. American soft power and public diplomacy in the Arab world //Palgrave Communications. 2017. Т. 3. С. 16104.

Во-вторых, существенной особенностью применения «мягкой силы» США в странах Ближнего Востока Африки являются высокие диспропорции в уровне жизни экономически развитых стран и уровня жизни в исламских странах.

В-третьих, одним из факторов, негативно сказывающихся на успешности политики «мягкой силы» США в странах Ближнего Востока можно назвать достаточно сильный языковой барьер. Закономерно, что наиболее результативна «мягкая сила» США оказывается в центральных регионах стран и преимущественно среди молодого населения (где уровень освоения английского языка выше).

В-четвертых, аналогично фактору языкового барьера, на «мягкую политику» США в исламских странах воздействует степень доступа населения к услугам интернет (как к информационному каналу).

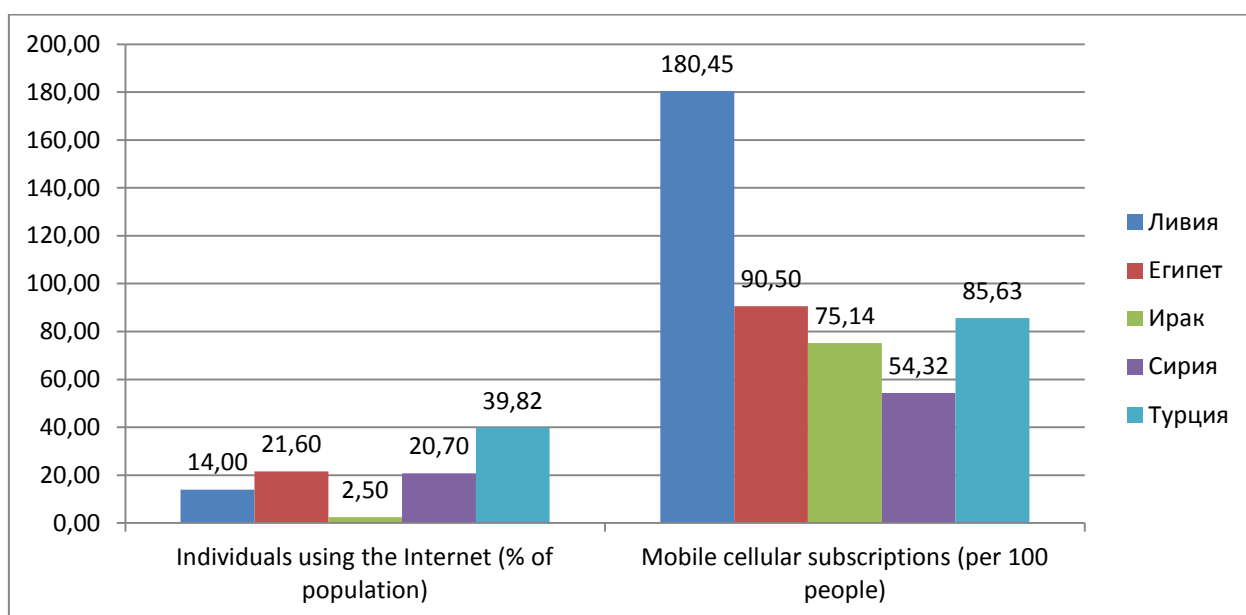

Рисунок 1.1 – Уровень проникновения интернет технологий и мобильной связи в страны Ближнего Востока в 2010 г.

В-пятых, в отличие от ряда европейских и латиноамериканских государств, правительства многих стран Ближнего Востока и Северной Африки предпринимают усилия по активному противодействию

использованию таких каналов «мягкой силы» как интернет, телевидение и т.п.

В целом, с 2012 года на Ближнем Востоке появилась новая сила в Интернете, первоначально в киберпространстве, панарабское молодежное движение, целью которого является распространение демократии в регионе и искоренение авторитарных гражданских режимов.

Характерно, что на момент активных антиправительственных выступлений в рассматриваемых странах уровень развития коммуникационных каналов был неравным. Автором исследования был проанализирован уровень проникновения интернет технологий и мобильной связи в анализируемой группе стран, результаты чего показывают наиболее высокий уровень интернет активности в Турции и Египте. Возможно, это сыграло определенную роль в том, что именно в этих странах «мягкая сила» США не сменилась впоследствии силой жесткой.

Рассмотрим далее частные аспекты применения «мягкой силы» США в странах Ближнего Востока.

Глава 2. Реализация «мягкой силы» США в странах Ближнего Востока

2.1 «Мягкая сила» США в Республике Ирак

Республика Ирак с точки зрения применения «мягкой силы» США демонстрирует относительно низкий уровень подверженности влиянию тенденциям глобализации по предложенным в первой главе работы признакам (доступ населения к сети интернет, владение сотовыми телефонами), а также высокий уровень внутренней конфликтогенности (противостояние суннитов и шиитов, курдская оппозиция). Всё это, а также военные действия Ирака в отношении Ирана, Кувейта, вхождение Ирака в сферу политического влияния СССР до распада, наличие на территории Ирака значительных запасов энергоносителей сформировали условия того, что в отношении Ирака США использовали преимущественно методы «жесткой силы» - Война в Персидском заливе, операции «Лиса в пустыне», 9 лет войны в Ираке международной коалиции под предводительством США, американская оккупационная администрация в Ираке. С позиции «мягкой силы» в отношении Республики Ирак США использовались в основном гуманитарные операции (Операция «Provide Comfort», 1991-1996 гг.). Таким образом, использование «мягкой силы» США в Республике Ирак напоминает скорее опыт Ливии:

- наличие внутренних противоборствующих сил не позволили реализовать стратегии противостояния текущей власти в форме демократических революций и в относительно ненасильственной форме;

- аналогично опыту Ливии США после принятия решения о военной интервенции (то есть выборе в пользу «жесткой силы») использовали аргументы высокой опасности Ирака для стран региона, для мирового сообщества, поддержки террористических организаций, разработки химического оружия;

- США активно использовали сочетание инструментов «мягкой силы» и «жесткой силы»: ведение военных операций (с одной стороны) и

предоставление гуманитарной помощи, публичное осуждение действий властных группировок (с другой стороны). Гуманитарная помощь достаточно часто используется в качестве инструмента «мягкой силы» США для реализации интересов американской стороны. К примеру, в Кыргызстане оказание гуманитарной помощи (при активном освещении в средствах массовой информации) способствовало заключению США соглашения о размещении военной базы на территории государства. В отношении Ирака использование гуманитарной помощи, вероятно, играло роль оправдания для потенциально лояльной США части населения Ирака действий американской стороны и для создания позитивного образа США у мирового сообщества;

- учитывая активное военное противостояние, фактически актуальное на момент усиления политики «мягкой силы» США в регионе, инструментарий развития революционных настроений в Иране не был актуален для США. Потому основным инструментом «мягкой силы» в стране выступила гуманитарная помощь.

Рисунок 3.1 – Темпы роста ВВП и Уровень безработицы Республики Ирак, %

Несмотря на ведение боевых действий, США применяли схожие с рассмотренными в первой главе работы инструменты консолидации

недовольных политическим режимом, негативного освещения действий политических элит, участие НКО в трансляции демократии:

- в 2002-2003 гг. с использованием подконтрольных США СМИ активно транслировалась информация о наличии в распоряжении режима С. Хусейна химического оружия, поддержке терроризма, потенциальной агрессии в адрес стран Запада. В отличие от Египта, деятельность СМИ была направлена исключительно на страны мирового сообщества и использовалась для легитимизации усиления военного присутствия США в Ираке³⁸. Как впоследствии было выяснено международными организациями, подавляющее большинство сделанных заявлений были ложными, неверными³⁹, фактически – представляли собой дезинформацию с целью введения в суверенное государство вооруженных сил объединенной коалиции. Причиной, по которой подконтрольные США СМИ направляли своё информационное воздействие не внутрь страны, а вне ее, можно назвать то, что концепция «мягкой силы» США в регионе еще не была столь явно выражена на тот момент, а среди инструментов американской экспансии доминировала «жесткая сила»;

- немаловажную роль в недостаточно интенсивной направленности подконтрольных США СМИ на территорию самого Ирака сыграло то, что до начала 2000-х гг. в стране находилось под запретом спутниковое вещание (одним из первых действий временной администрации как раз стало его легализация, а, значит, расширение доступа населения страны к подконтрольным США и прочим странам каналам информации⁴⁰). Приход к руководству страной оккупационной власти с точки зрения применения «мягкой силы» имел ряд значимых последствий: роспуск Министерства информации (противодействие действию национальных СМИ), создание подконтрольных СМИ (Иракская медиасеть, (IMN)), были установлены

---

³⁸ Ларионов Е.А. "Теледипломатия": сущность, механизмы, ресурсы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 112-118.

⁴⁰ Джасим Фирас Джамиль Иракское телевидение: современный пейзаж // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. - 2009. № 2. С. 140-144.

правила освещения происходящих на территории государства событий (в их числе было – не сеять ненависть к оккупационным войскам⁴¹). На практике оккупационными властями в Ираке была построена вся медиасистема: телевизионный канал Al-Iraqiya, две радиостанции («Республика Ирак» и «Голос свободного Ирака», газета «Адъ-Сабах» («Утро»). Временная комиссия по средствам массовой информации также установила правила подготовки стандартных текстов для освещения общественно-политических событий (не сеять ненависть к оккупированным войскам, не разжигать религиозной и межнациональной розни);

- присутствие неправительственных организаций в Ираке происходит по-разному, в первую очередь благодаря действиям Агентства США по международному развитию (USAID). Исторически это агентство использовалось для финансирования операций по свержению режимов в разных странах мира (в частности, операции кубинской социальной сети ZunZuneo против кубинского правительства). В результате сеть может использоваться некоммерческими организациями для передачи финансовых и человеческих ресурсов в страны, в которых действуют не только «мягкая сила» и «жесткая сила». Что касается Ирака, USAID проводил образовательные программы (распространение демократии) и гуманитарную помощь (после военных действий);

- с середины 2000-х гг. в Ираке при содействии НКО развивается интернет сектор объединения оппозиционно настроенного населения (преимущественно – молодежи). Примерами того можно назвать включение Ирака в спектр внимания НКО «International Media Support (IMS)» (организована на рубеже 2000-х гг. и базируется в Копенгагене, одной из своих целей имеет демонстрацию недемократических средств и действий политических элит), которой было в 2011 г. создан ресурс (блог) в сети Интернет Iraqi Network for Social Media. Автором исследования было

---

⁴¹ Джасим Фирас Джамиль Иракское телевидение: современный пейзаж // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 140-144.

проанализировано состояние этого блога на момент подготовки работы и установлено, что более полугодом на нем не совершалось активных действий. Примечательно, что создание этого блога пришлось на 2011 г., после объявления о прекращении военных действий США. Вероятно, это можно считать иллюстрацией смены вектора американского присутствия в регионе.

Таким образом, применение политики «мягкой силы» в Ираке на современном этапе развития пришлось на окончание периода военного доминирования США в регионе, усиление роли «мягкой силы». По действиям временной силы США в отношении локальных СМИ, построению подконтрольной системы массовой информации, открытию Ирака внешнему информационному рынку через легализацию спутникового телевидения можно наблюдать признание важности информационного фактора и до явно обозначенного курса на «мягкую силу». При этом, явно обозначенное неблагоприятное положение экономики страны, свержение С. Хусейна (как основного оппонента США), установление политического строя в Ираке с участием внешних сил (международной коалиции и США) не создавали предпосылок для ненасильственной смены политических элит и иных аналогичных рассмотренным ранее Египту и Ливии действий. В то же время, НКО и сетевые технологии применялись в Ираке в модифицированном с учетом политической обстановки в стране состоянии.

Содержание действий США в Ираке, таким образом, сложно относить к политике преимущественно «мягкой силы», а их результаты традиционно рассматриваются как преимущественно негативные для образа США в мировой политике, приведшие к чрезмерным расходам, не позволившие достигнуть явно обозначенных положительных целей и стимулировавшие развитие террористической активности в регионе.

2.2 «Мягкая сила» США в Сирийской Арабской Республике

Сирийская Арабская Республика является одним из немногих государств в регионе, проводящем внутреннюю политику и внешнюю политику преимущественно на базе суверенного подхода. Аналогично ряду прочих стран региона, политические элиты в Сирии не сменяются на протяжении длительного периода времени (со смертью Х. Асада в 2000 г. к власти пришел его сын – Б. Асад, что потребовало изменения конституции страны и снижения минимального возраста кандидата в президенты). Сирия является оппонентом Израиля, Ливана, суннитских монархий, сторонником Ирана, Ливии. Подобная геополитическая позиция Сирии закономерно формирует предпосылки недружественных действий в отношении ее политических элит США. Сирия - это «арена противостояния» между Ираном и США, а также Турцией, Саудовской Аравией и Катаром⁴². Примечательно, что Сирия в начале 1990-х гг. не расценивалась как объект агрессии США, а к концу 1990-х уже была включена в так называемую «ось зла», наряду с Ираком, Ираном, КНДР, Ливией и Кубой⁴³.

Сирийский пример наглядно демонстрирует повторение сценария Ливии – политическое противостояние сменилось противостоянием клановых-этнических групп, в которое включились террористические организации. Тем самым «мягкая сила» в стране привела не к относительно мирной смене власти, а к гражданской войне. Питательная среда применения «мягкой силы» в Сирии, в целом, совпадала с контекстом ее применения в прочих странах региона: относительно низкая степень политических свобод, неблагоприятное состояние экономики (для Сирии – засуха и связанный с этим гуманитарный кризис). Аналогично прочим странам, проводниками антиправительственных действий выступили эмигранты (в случае с Сирией -

---

⁴² Заблоцкий Ф.Ю. Сирия в ближневосточной политике США в начале XXI в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 12. С. 15-17.

⁴³ Булгару Д.И. Трансформация внешней политики США в отношении Сирии накануне "арабской весны" // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2017. № 12 (335). С. 55-63.

А. Абдулхамид, занимавшийся борьбой за права человека), которые прямо были связаны с США в вопросах организации протестного движения (к примеру, широко известно о встрече А. Абдулхамида в 2006 г. с помощниками заместителя госсекретаря США Э. Абрамса, по результатам которой была явно обозначена позиция Вашингтона на поддержку широкой коалиции оппозиционных группировок на территории Сирии, а также на контроль ее деятельности⁴⁴). Так, при поддержке американских НКО в период с 2006 по 2011 г. на территориях Турции, Иордании и Ливана стали формироваться штабы будущей Свободной сирийской армии, готовиться лагеря для будущих беженцев, осуществляться вербовки боевиков из разных регионов мира.

Развитие оппозиционных выступлений в Сирии также, как и в прочих странах региона сопровождалось использованием средств Интернет (так, в сети «Facebook» была создана страница «Сирийская революция-2011», призывавшая к проведению в крупнейших городах Сирии «Дня гнева» против президента Башара Асада). Представителями Б. Асада назначенные выступления были купированы. Аналогично с прочими выступлениями, в Сирии в качестве меры неприятия текущей власти, ее жестокости и неспособности решить накопленные проблемы конституционным способом использовались сильные образы, тиражируемые через СМИ и сеть Интернет (одним из таких образов стал совершивший самосожжение Хасан Али Акле (что роднит ситуацию с событиями Туниса, где также акт публичного самосожжения широко транслировался как сигнал к неспособности решить проблемы конституционным путем).

Активно используются против политических элит каналы подконтрольных США СМИ: более ста международных информагентств и других СМИ одновременно принимают участие в ангажированном освещении событий в Сирии (арабский (катарский) телеканал «Аль-

---

⁴⁴ Solomon J. To Check Syria, U. S. Explores Bond with Muslim Brothers // The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB118530969571176579>.

Джазира» и его одноименный арабоязычный веб-сайт, главный конкурент первого на рынке арабских спутниковых телеканалов – «Аль-Арабия»⁴⁵).

Начавшиеся в марте 2011 года на волне «Арабской весны» антиправительственные выступления привели к массовым беспорядкам в различных городах Сирии, а уже летом того же года переросли в полномасштабный вооружённый конфликт. Насилие и жестокость в отношении протестующих привели к массовому дезертирству из армии (в первую очередь, военнослужащих-суннитов) и возникновению вооружённых отрядов оппозиции, получивших поддержку ряда региональных держав; конфликт перешёл из фазы гражданского неповиновения в вооружённое восстание. 29 июля 2011 года была образована оппозиционная Свободная сирийская армия, после чего конфликт перешёл в фазу гражданской войны.

Головной организацией сирийской оппозиции стал Сирийский национальный совет (СНС), в который на тот период входили все антиправительственные фракции. Однако впоследствии в рядах оппозиции произошёл раскол — первыми из его состава вышли курдские организации, сформировавшие собственное правительство (Высший курдский совет), а в 2013 году наиболее радикальные исламистские группировки образовали «Исламский фронт». Из-за раскола в рядах повстанцев позиции США существенно ослабли, и светская оппозиция отошла на второй план. Ведущую роль в противостоянии правительственным силам стали играть различного рода исламистские группировки, среди которых наиболее боеспособными являются террористические организации «Фронт ан-Нусра» (местное отделение Аль-Каиды) и «Исламское государство» (ИГ). По данным ООН, к 2015 году в ходе конфликта погибло около 220 тыс. человек. Война стала одной из главных причин европейского миграционного кризиса, вызвав массовый исход беженцев из Сирии.

---

⁴⁵ Мартыненко Е.В. Характер информационной войны между Россией и США В Сирии // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 9. С. 9-12.

Показательно использование США инструментов теледипломатии и в отношении Сирии – выступления с обвинениями во владении химическим оружием (13 июня 2013 года Белый дом США выступил с официальным заявлением о наличии у приверженцев Б. Асада химического оружия и его применения против гражданской оппозиции⁴⁶, 14 апреля 2018 г. ситуация повторилась).

Таким образом, на примере Сирии можно наблюдать один из сценариев нереализованного потенциала «мягкой силы», что проявляется в сохранении политических элит государства, даже после достаточно жесткого подавления восстаний оппозиционных сил. Наряду с причинами внутреннего характера (подавление оппозиционных сил до начала протестных выступлений, репрессии, информационное сопровождение действий политических сил Б. Асада по противостоянию с оппозицией как с противостоянием с террористами, применение для подавления оппозиционных выступлений регулярной армии, отмена военного положения), развитие военно-политического противостояния по аналогии с Ливией произошло по причине неспособности консолидировать разрозненные политические силы под одним руководством (распад Сирийского Национального Совета), а также по причине выхода на первый план не светского, а религиозного противостояния и значительного вовлечения в противостояние с регулярной армией Б. Асада террористических группировок. События апреля 2018 г. (включение в конфликт РФ на позициях Б. Асада, ракетные атаки объектов инфраструктуры Сирии со стороны США) позволяют говорить о том, что начавшаяся как одна из арабских революций, сирийская не удавшаяся революция стала началом потенциально глобального геополитического конфликта в регионе.

---

⁴⁶ Text of White House Statement on Chemical Weapons in Syria. The New York Times, June 13, 2013.

2.3 Реализация «мягкой силы» США в Арабской республике Египет

Проявлением «мягкой силы» США в Арабской республике Египет традиционно называется «арабская весна» (или, «арабское пробуждение»⁴⁷ - этот термин более активно используется в самих исламских странах региона). Период 2010-2011 гг., на который приходятся антиправительственные выступления в Египте (свержение Х. Мубарака), и Тунисе (свержение З. Бен Али) приходится на начало четвертого периода внешней политики США в регионе, обозначенный в предыдущей главе. Однако, считать, что революционные настроения в Египте и других странах региона явились результатом достаточно скоротечной смены курса внешней политики США, как видится, не вполне корректно. Мы полагаем, что «мягкая сила» использовалась США на протяжении всех современных этапов внешней политики страны в регионе и при формальном реформатировании внешней политики в направлении «мягкой силы» в 2010-х гг. лишь была усилена интенсивность управляемого применения «мягкой силы».

Инструментарий «мягкой силы» разворачивался США в регионе с начала 2000-х гг. параллельно усилению военного присутствия страны. С начала 2000-х годов, особенно после терактов 2001 года, только официальный Вашингтон запустил несколько сотен различных программ в области образования, культуры и информации для продвижения демократии в арабских странах⁴⁸. В 2004 году все эти программы «мягкой силы» США были объединены в масштабный проект, получивший название «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке», региональная штаб-квартира которого располагалась в Тунисе. Целью «Инициативы поддержки партнерства на Ближнем Востоке»⁴⁹ было обозначено проведение демократические преобразования в арабских государствах, в том числе, в

---

⁴⁷ Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. — 274 с. – С.187.

⁴⁸ Там же. – С.189.

⁴⁹ Middle East Initiative Partnership. About Us.

Тунисе и Египте. Таким образом, в рамках предложенной в предыдущем разделе классификации проявлений «мягкой силы», наличие указанной Инициативы позволяет говорить о целенаправленной «мягкой политике» США в Египте и прочих странах региона⁵⁰.

Инструментами «мягкой силы» США в Египте, согласно «Инициативы поддержки партнерства на Ближнем Востоке», становились образовательные программы среди различных социальных слоев (школьники, студенты, рабочие, женщины и др.), а также «изменения политического строя через создание партий, подготовку альтернативных политиков, эмансипацию женщин и формирование лояльной и демократически настроенной молодежи»⁵¹.

Важную роль в осуществлении политики «мягкой силы» США в Египте сыграли западные неправительственные организации: Национальный фонд в поддержку демократии, Международный республиканский институт, «Фридом Хаус» и другие известные структуры. В качестве яркого примера деятельности неправительственных структур стоит привести организацию «КАНВАС» (CANVAS, Center for Applied Non-Violent Action and Strategies)⁵². С 2008 года под эгидой «КАНВАС» и при поддержке «Фридом хаус» и Национального фонда в поддержку демократии в Сербии для будущих организаторов и активистов «арабской весны», в том числе из Туниса и Египта, проводились обучающие семинары по ненасильственной борьбе (в программу курса входили такие дисциплины, как «Сущность политической власти», «Социальные конфликты: типы, причины, модели разрешения», «Стратегическое планирование», «Управление политическими кампаниями»,

---

⁵⁰ Middle East Partnership Initiative Offers Tools for Supporting Reform, but Project Monitoring Needs Improvement // United States Government Accountability Office. August 2005.

⁵¹ Middle East Partnership Initiative Offers Tools for Supporting Reform, but Project Monitoring Needs Improvement // United States Government Accountability Office. August 2005.

⁵² CANVAS. Official web-site..

«Методы и тактика ненасильственного сопротивления», «Вызовы процессам демократического строительства»⁵³).

В политике «мягкой силы» США в Египте и прочих странах региона особое место уделяется использованию цифровых технологий: с одной стороны, они выступили способом практически не модерируемого (в отличие от, к примеру телеканалов) правительством канала информационного воздействия, и, с другой стороны, был раскрыт потенциал социальных сетей при организации массовых выступлений. Практика использования социальных сетей для стимулирования протестных выступлений («Twitter-революция», «Facebook-революция»⁵⁴) отмечается при акции массового протеста против результатов парламентских выборов в Молдавии и неудавшейся «зеленой революции» в Иране, в период 2010-2011 гг. - в Тунисе и Египте в ходе «арабской весны».

Так же можно добавить, что в 2000-х годах США усиливают свое финансирование во множество оппозиционных организаций, которые в свое время были созданы в социальных сетях Египта, Турции и др. арабских странах. По мимо этого, при поддержке США, было профинансировано множество диссидентских, правозащитных сайтов, которые действовали в регионе Ближнего Востока, например, Arab Bloggers, Aswat и Cyberdissidents.

Египет при этом для США стал своего рода основной площадкой испытания практики «мягкой силы» в исламских государствах в форматах содействия развитию неправительственных и оппозиционных организаций, проходивших под лозунгом «Изменения внутри». Активно применялись такие программы как политические образовательные курсы (свыше 10 тыс. египтян приняли в них участие с 2005 г. до активной фазы революции), подготовка наблюдателей на выборах (свыше 5 тыс. чел. прошли подобные

---

⁵³ Цатурян С.А. Стратегия ненасильственного сопротивления на Ближнем Востоке и в Северной Африке: роль США // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2012. - № 9 (513). - С.79; CANVAS Belgrade University Program.

⁵⁴ Априянц К.В. «Твиттер-революции»: микроблоги как инструмент выражения протестных настроений гражданского общества // Вестник ВГУ. Серия: Филология. 2014. № 1; Беяков Н.В., Прохвятилов В.В. Новые СМИ и «арабская весна» // Информационные войны. № 4 (24). 2012; Reardon S. Was the Arab Spring really a Facebook revolution? // New Scientist. 13 April, 2012.

программы подготовки), подготовка журналистов и создание локальных СМИ. Оценивая масштабы участия образовательных программ США в реализации политики «мягкой силы» необходимо отметить, что только в 2008 году Государственный департамент США пригласил к участию в программах в области развития демократии почти 150 тыс. граждан Египта⁵⁵. Курирование официальными лицами программ демократического развития можно проиллюстрировать озвученной Х. Клинтон (на тот момент – государственным секретарем США) инициативы «Гражданское общество 2.0», суть которой состояла в работе с гражданским обществом арабомусульманского мира для «наращивания потенциала и обеспечения местных организаций и отдельных лиц правами и возможностями для осуществления необратимых перемен»⁵⁶. Немаловажную роль в данной инициативе играла отработка навыков использования сети Интернет.

Коммерческие организации также принимали участие в реализации политики «мягкой силы» США в регионе, а наиболее активным было участие телекоммуникационных компаний. К примеру, компания Google (США) организовала Интернет-конференцию «Свобода–2010», в рамках которой происходил обмен опытом по распространению демократических идей с использованием средств Интернет. На этой конференции была организована специальная секция («Сеть блогеров Среднего Востока и Северной Африки»⁵⁷), работа которой учитывала специфику использования сети Интернет именно в регионе Ближнего Востока. Принимали участие в работе этой секции и представители молодежных движений Египта.

Основными причинами внутреннего характера в большинстве арабских стран, в том числе, в Египте, являлись обострение социально-экономических проблем, безработица и бедность, отсутствие жизненных перспектив и социальных лифтов для значительной части населения, особенно молодежи.

---

⁵⁵ Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Ук. соч. С.182-183; Антюхова Е.А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. - № 2 (41). - 2015. - С. 204.

⁵⁶ Secretary Clinton Announces Civil Society 2.0 Initiative to Build Capacity of Grassroots Organizations. Marrakech, Morocco. November 3, 2009// US Department of State.

⁵⁷ Антюхова Е.А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов. С. 205.

Катализаторами протестов стали также всеобъемлющая коррупция, nepotизм и геронтократия правящих кругов, неэффективность государственного управления, подавление демократических свобод при формальном сохранении режимов «управляемой демократии». Значительным внутренним фактором общественного недовольства стал конфликт между коррумпированными семейными кланами, которые десятилетиями находились у власти, и обществом, чей образовательный уровень в последние годы значительно вырос⁵⁸.

Целевой аудиторией политики «мягкой силы» США в Египте и других странах региона традиционно становится молодежь. В соответствии с предложенной в предыдущем разделе классификацией факторов «мягкой силы» США в регионе, именно молодежь является наиболее подходящим объектом воздействия. В пользу этого указывает не столь сильно выраженный для молодежи исламских стран языковой барьер, более высокая мобильность, более высокий уровень проникновения в молодежную среду интернет технологий. При этом, экономический и социальный рост Египта и других стран региона привел к демографическим изменениям в форме наращивания доли молодого населения. Молодого населения, которое испытывало потребность в действующих социальных лифтах, поддержании позитивных темпов роста качества жизни, имело определенный уровень представления об уровне развития демократических процессов в мире. Закономерным итогом демографического развития страны и снижения темпов экономического роста стало в середине 2000-х гг. формирование прослойки населения, не способного найти желаемую работу, получившего высшее (светское) образование. Свою роль в дестабилизации ситуации сыграли и мировой кризис 2008 г. и ухудшение состояния важной для Египта туристической отрасли. В итоге, можно говорить о формировании к началу 2010-х гг. революционного потенциала в Египте.

---

⁵⁸ Сапронова М. Генезис арабских революций // Международные процессы. Сентябрь-декабрь 2011. С. 129.

Наряду с обозначенными выше внутренними факторами, развитие протестной активности в Египте связывают с факторами внешними, в частности - целенаправленными действиями США в рамках инструментария «мягкой силы». Характерно, что в российской исследовательской среде не выработана единая позиция по роли США в развитии революционных настроений в Египте и других странах региона. К примеру, В.А. Никонов назвал эти действия «цветной демократизацией» со стороны Запада⁵⁹, а А.И. Шумилин полагает, что события в Тунисе и Египте застигли официальный Вашингтон врасплох⁶⁰. На влияние США на ход революционных настроений в Египте указывает также и тот факт, что форма этих выступлений отличалась от применяемой ранее при массовых беспорядках в исламских странах (и, в целом, свойственной им) практики прямых столкновений. Выступления в Египте, напротив, реализовались в форме преимущественно ненасильственных выступлений. Это позволяет некоторым исследователям указать на использование в ходе «арабской весны» экспортированных с Запада полит-технологических методик по смене режимов⁶¹.

Позиция автора данного исследования состоит в признании целенаправленной трансляции идей демократизации со стороны США в страны региона (включая Египет) через широкую совокупность информационных каналов, личных встреч. Так, выступая со своей знаменитой речью в Каирском университете в июне 2009 года, президент США Б. Обама заявил буквально следующее: «Все люди страстно желают одного и того же: выражать свое мнение, иметь возможность повлиять на то, как ими правят, а также уверенность в верховенстве закона и равном для всех его применении, чтобы власть была прозрачной и не занималась воровством и можно было выбирать образ жизни по собственному усмотрению. Это не

---

⁵⁹ Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015. С. 505.

⁶⁰ Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М., 2015. С. 248, 251.

⁶¹ Антюхова Е.А. Технологии ведения США и НАТО информационно-сетевых операций в конфликтах «арабской весны» // Вестник Брянского государственного университета. - 2015. - № 1. - С. 95.

только американские идеи — это права человека. И поэтому мы будем поддерживать их повсюду»⁶².

Характерной чертой политики «мягкой силы» США в отношении Египта является отсутствие прямой серьезной критики со стороны официальных властей США национальных лидеров или политического устройства стран. Напротив, эти страны представляли как образцы для подражания с точки зрения модернизации, борьбы с международным терроризмом, разумной позиции в палестино-израильском конфликте и выступали в качестве ведущих союзников Запада на Ближнем Востоке. В тех арабских странах, где демократия отсутствовала в принципе, например, в Саудовской Аравии, серьезных выступлений не наблюдалось. Свергнутыми оказались режимы в тех странах, где проходили выборы, появлялись относительно самостоятельные СМИ, развивался Интернет, существовали возможности для уличных выступлений⁶³. С некоторым уровнем допущения можно считать подобный необъявленный статус действий США в стране как способ обеспечить беспрепятственное движение информации в Египте, фактически – сохранить активным основной канал воздействия на население.

Сервис Twitter и сеть Facebook сыграли заметную роль в развитии общественных выступлений в Египте: через Facebook распространялся список мечетей, у которых должен собираться народ. А Twitter стал главным источником информации о происходящем, здесь определилась дата восстания⁶⁴.

Глобальные западные и арабские СМИ целенаправленно внедряли в сознание обывателей в государствах, по которым прокатилась «арабская весна», имидж богатых и преуспевающих западных стран, роскошной жизни западного населения и ряда других качественных изменений уровня жизни, связанных с развитием демократии в обществе. Логично, что у потребителей

---

⁶² Remarks by the President at Cairo University, 6-04-09 // The White House. Office of the press secretary.

⁶³ Никонов В.А. Современный мир и его истоки. С. 730.

⁶⁴ Бобкова И.А. Использование социальных сетей в политических целях // Искусственные общества. 2013. Т. 8. № 1-4. С. 3.

этой информации возник разрыв в восприятии транслируемого образа и фактического окружения, что и стало стимулом для противодействия политическим элитам. Ряд экспертов считает, что свою роль в разжигании конфликта, как и в соседнем Тунисе, сыграл сайт WikiLeaks, в изобилии публиковавший секретные материалы о внутривластной ситуации в Египте.

Определенную роль в политике «мягкой силы» США в стране сыграли некоммерческие организации, содействующие формированию на территории Египта организованных групп политической (антиправительственной направленности). Одной из таких организаций выступила базирующаяся в Катаре организация «Академия перемен» (созданная выходцами из Египта). Традиционно именно некоммерческие организации, действуя при финансовой поддержке (к примеру, в форме грантов) международных организаций выступают проводниками «мягкой силы» в вопросах развития гражданского общества, культурного обмена и многих других направлениях. Реализуется также и обмен опытом через неправительственные организации с организованными группами, которые ранее принимали участие в антиправительственных выступлениях по схожим сценариям. Одной из таких групп можно назвать движение «Отпора» («Отпор»), принимавшее участие в «бульдозерной революции» в Сербии. В Египте примером действий подобных (в создании которых приняли участие некоммерческие организации и в отношении которых осуществлялся обмен опытом с участниками ненасильственных свержений политических элит в других странах) организаций можно назвать созданную при поддержке «Академии перемен» группу «Кифайя», а также связанную с ней группу «Молодежное движение 6 апреля». Важным условием эффективного развития малых политических групп является централизация и объединение их сил. «Молодежное движение 6 апреля» с целью этого наладило коммуникацию с молодежной группой под руководством Ваэля Гонима (с 2010 г. – директор по маркетингу компании Google (США) на Ближнем Востоке и Северной

Африке). Ваэль Гоним через социальную сеть создал страницу (страничку под названием «Мы все Халед Саид» в память о египетском Интернет-активисте и блогере Х. Саиде, насмерть забитым полицейскими 6 июня 2010 года в Александрии). Финансовая поддержка антиправительственных организаций также активно использовалась для усиления конфронтации политических сил на территории Египта: по подсчетам исследователей в 2009 — 2010 годах на развитие гражданского общества и финансирование НПО в Египте только один американский Национальный фонд в поддержку демократии потратил почти четыре миллиона долларов.

Типичной реакцией на применение «мягкой силы» как инструмента дестабилизации политической обстановки в странах Ближнего Востока становится реактивный (то есть – запоздалый) характер противодействия использованию для организации протестного движения и трансляции информации средств коммуникации. Не стал исключением в этом случае и Египет: интернет и мобильная связь были заблокированы в Каире для предотвращения координации действий демонстрантов, телеканал Al-Jazeera, который вел трансляцию выступлений протестующих, также был заблокирован. Однако, полностью исключить доступ и использование информационных каналов без полной парализации информационной системы в современном мире оказывается достаточно сложной задачей: спутниковый канал CNN, широко распространенный в Египте, продолжил освещать выступления протестующих, выполнял функцию оповещения о готовящихся акциях. В интернет среде (с прямой помощью компании Google) у оппозиционно настроенных сил сохранилась возможность получать доступ к социальной сети Twitter через голосовую почту без прямого подключения к сети интернет.

США активно использовали в развитии ситуации в Египте официальные заявления первых лиц государства для демонстрации позиции. По инициативе Б. Обамы состоялись телефонные переговоры между ним и Х. Мубараком, где он призвал Х. Мубарака начать реформы в стране.

Примечательно, что после выступлений оппозиционных сил («Марш миллионов») Х. Мубарак объявил о готовности не передавать власть своему сыну Гималю, что можно считать сигналом принятия позиции протестующих. Однако, Б. Обама (в тот же день) заявил о срочной необходимости мирного демократического перехода власти в Египте. Фактически это означало призыв Х. Мубараку уйти в отставку.

Рассматривая результаты революции в Египте с позиции социально экономических результатов, можно отметить наличие явно выраженных негативных тенденций – снижением темпов роста ВВП, рост безработицы. Другими словами, развитие демократических процессов (формальная цель оппозиционных сил) не привели к росту экономики и решению социальных проблем государства. Приход к власти в стране М. Мурси после свержения Х. Мубарака был недолгим – в 2013 г. в стране произошел военный переворот, закончившийся сменой власти и становлением новым президентом - Абдул-Фаттах Саид Хусейн Халил Ас-Сиси. В целом, можно признать, что революция в стране не привела к существенному изменению экономической обстановки, а неблагоприятные процессы в экономике усилила.

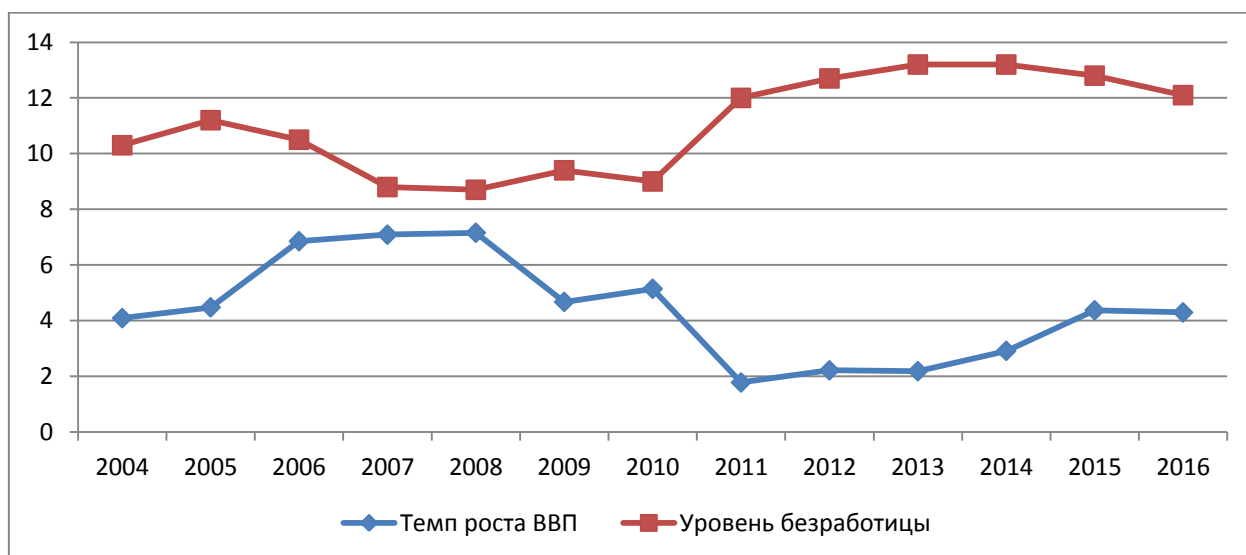

Рисунок 2.1 – Темпы роста ВВП и Уровень безработицы Арабской республики Египет, %

Таким образом, по развитию политического противостояния в Египте и фактах применения частных инструментов «мягкой силы» можно выделить специфические черты реализации «мягкой силы» на примере Арабской Республики Египет, такие как образовательные программы среди различных социальных слоев (школьники, студенты, рабочие, женщины и др.), а также «изменения политического строя через создание партий, подготовку альтернативных политиков, эмансипацию женщин и формирование лояльной и демократически настроенной молодежи; обмен опытом по распространению демократических идей с использованием средств сети Интернет и т.д.

2.4 «Мягкая сила» США в Турецкой Республике

Турецкая республика из всех рассмотренных стран характеризуется, пожалуй, наименьшим уровнем подверженности инструментам «жесткой силы», что сформировало предпосылки применения американской стороной преимущественно инструментов «мягкой силы». При этом Турецкая республика как, в целом, лояльный западному сообществу участник мировых политических процессов, кандидат на вступление в ЕС, член НАТО не являлась объектом краткосрочной политики по установлению проамериканского руководства страны. С начала 1990-х гг. в Турции активно проводилась политика повышения качества жизни⁶⁵, что снизило протестный потенциал.

Турция не только является сильной в экономическом плане страной, но и одной из участниц региональной политики, также использует инструменты «мягкой силы» в комплексе своих внешнеполитических инструментов (что отличает ее, к примеру, от всех прочих рассматриваемых стран, которые либо используют для продвижения своих интересов военную силу, либо не участвуют в региональной политике с активных ролей).

В отличие от прочих рассматриваемых стран, Турция является активным участником политических процессов в регионе, а также самостоятельно развивает направление «мягкой политики» и стратегическое планирование своей внешней политики⁶⁶. Первые дискуссии о создании центра по производству политической мысли возникли в 1993 г. в Анкаре. Центр планировался действовать в рамках функционирования анкарского фонда политических и социальных исследований (Ankara Siyasalve Sosyal Arařtırmalar Vakfi) и привлекать для работы политиков, академические круги, военных Турции, а также специалистов из Америки. В области исследования

---

⁶⁵ Аватков В.А., Баранчиков А.А. "Бесшумная революция" президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана // Мировая политика. 2017. № 4. С. 1-13.

⁶⁶ Муса Кызы А.М., Оморова С.О. Эволюция содержания понятия "мягкая сила" в турецкой политической мысли // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2015. - № 9. С. 126-129.

международных отношений и внешней политики Турецкой Республики существует центра при МИД ТР. С 1995 г. при МИД ТР функционирует Центр стратегических исследований (Stratejik Araştırmalar Merkezi, SAM). Главной целью данной структуры является проведение исследований в области международных отношений и регионоведения в соответствии с запросами министерства. С 2004 г. работает Центр стратегического анализа и исследований в области международных отношений (TÜRKSAM, Uluslararası İlişki İlerve Stratejik Analizler Merkezi). В целом в центре исследуются вопросы в области терроризма, изучения армянского вопроса, проблема конфликтологии, «тюркского мира», миграции, экономики и разоружения. Особый акцент делается анализ процессов на соседних странах Турции. В числе исследовательских и экспертно-аналитических центров в области МО входит также Центр стратегических исследований МИД ТР (Stratejik Araştırmalar Merkezi – SAM) который был создан в структуре Министерства иностранных дел Турецкой Республики и “TASAM”. Центр стратегических исследований МИД ТР является официальным консультативным подразделением Министерства иностранных дел Турецкой Республики, который отличается от основной массы экспертно-исследовательских центров. Основной его целью является обеспечение лиц, которые принимают решения (руководство МИД ТР и другие правительственные ведомства), независимыми взглядами и оценками в сфере международных отношений, основанными на сугубо научном подходе с учетом анализа огромного массива материальной экспертной оценки.

В отношении Турецкой республики «мягкая сила» США нашла свое развитие в уже свойственной для ближневосточных стран революционной настроенности части молодежи. Однако, в отличие от успешных примеров революционного потенциала, в Турции оппозиционная активность была не только купирована, но и сохранены, в целом, позитивные отношения Турции с мировым сообществом.

Таким образом, опыт «мягкой силы» США в исламистском мире характеризуется следующими особенностями и характерными чертами. Во-первых, современный этап применения «мягкой силы» в регионе характеризуется поступательным снижением военного доминирования США в пользу инструментов «мягкой силы». Факторами выбора комплекса «мягкой силы» / «жесткой силы» в отношении каждой из стран региона являются: степень подверженности страны тенденциям глобализации (вестернизации и информатизации), открытость мировому информационному рынку (как каналу трансляции инструментов «мягкой силы» и при необходимости – координации протестно настроенной части населения), степень лояльности текущего правительства западным ценностям и политическим элитам.

Во-вторых, интенсивность развития революционных действий в странах Ближнего Востока, их хронологическое совпадение с пересмотром позиции США по соотношению «мягкой силы» / «жесткой силы» позволяют проводить причинно-следственные связи между активизацией «мягкой силы» США в регионе и нарастанием внутренних конфликтов в странах региона. Как правило, эти конфликты имеют формальные признаки демократических революций и характеризуются рядом черт, объединяющих их в феномен «арабской весны». Традиционными каналами «мягкой силы» США в регионе являются: работа средств массовой информации, программы содействия демократическому развитию, программы гуманитарной помощи, демонстрация в заявлениях официальных лиц США поддержки той или иной стороны в противоборстве (при развитии революционных настроений), озвучивание желаемого для США курса развития государства.

В-третьих, как показали результаты рассмотрения политики «мягкой силы» США в регионе, гипотеза исследования подтверждена: можно подтвердить диверсифицированность применения «мягкой силы» в регионе. Факторами выбора внешнеполитической курса США в отношении тех или иных стран региона являются: уровень лояльности правящего режима к

политическому курсу США, степень исламизации государства, уровень поддержки государства мировым сообществом, степень развития в государстве интернет технологий, уровень жизни. Так, при наивысшем уровне развития интернет технологий и уровня жизни в целевом государстве, США активнее использует совокупность инструментов «мягкой силы» стимулирующих развитие революционных настроений, а при наименьшем – выбор может быть сделан в пользу поддержки оппозиционных сторон, военной интервенции. Опыт Ливии показывает, что при высоком уровне конфликтности внутренних сил в государстве «мягкая сила» может не достигать результатов ненасильственного достижения целей США, но приводит к вооруженным восстаниям. Опыт подавляющего большинства стран региона, попавших в сферу влияния комплекса «мягкой силы» / «жесткой силы» демонстрирует отсутствие реального экономического развития государств, повышение политической и социальной напряженности.

В-четвертых, на примере Египта в работе рассмотрена ставшая уже стандартной стратегия использования «мягкой силы» США при смене политических режимов исламистских стран. Действенными инструментами этой стратегии становится использование среды интернет для консолидации оппозиционной части населения, тиражирование знаковых событий (как правило – угнетения населения) в пропагандистских целях на подконтрольных США СМИ и средствах Интернет коммуникаций, организация акций протеста (с широким освещением в СМИ, наличием явно обозначенной символики, лидеров). В качестве основного проводника стратегии «мягкой силы» в странах региона США выбирает молодежь, как в наивысшей степени подверженную инструментам «мягкой силы» (отсутствие языкового барьера, более высокий уровень жизни, более высокая мобильность, высокий уровень владения компьютерными технологиями). Инструментами воздействия на молодежь становится, как правило, совокупность образовательных программ, гражданских инициатив и

общественных движений. Реализовать потенциал протестной активности молодежи в странах региона удастся, в том числе, по причинам неблагоприятной экономической ситуации, неработоспособных социальных лифтов, затрудняющих молодой части населения стран (целевой группе воздействия в рамках политики «мягкой силы» в регионе) социализацию в национальных системах.

Как отмечают отдельные авторы, такие как А. Манойло, США еще не завершили операцию по переформатированию Ближнего Востока, глобальными целями которой является установление доминирования в регионе лояльных США политических элит, контроль над ресурсной базой региона напрямую (через американские ТНК) или опосредованно, вытеснение из региона РФ. Следующей тактической целью США в регионе является Иран, политическое руководство которого сменило позицию в отношении сотрудничества с США на негативную. Несмотря на то, что арабские страны, в основном, поддерживают США, их позиция относительно войны с Ираном наверняка не будет такой однозначной. Особенно в том случае, если Иран повторит опыт Ирака и нанесет удар по Израилю. Таким образом, с помощью инструментов «цветных революций» США последовательно реализовали стратегию усиления своего влияния в регионе или ослабления военных потенциалов стран – перспективных сторонников Ирана, с которым у США может развиваться конфликт. И, если в отношении отдельных стран региона сценарии «мягкой силы» оказались действенны (к примеру, Египет), то в отношении прочих стран привел к явному ухудшению ситуации в регионе. Так, гражданская война в Ливии привела к образованию на территории государства самостоятельных государственных образований, затяжной гражданской войне и усилению террористических организаций; выступления в Сирии приводят в настоящее время к вовлечению в конфликт глобальных геополитических игроков, а также усилению политического противостояния на территории самих США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе дана характеристика сущности концепции «мягкой силы», изучена история разработки понятия, его сущность и содержание. Установлено, что концепция «мягкой силы» является относительно новым явлением, описывающим тенденции развития внешней политики государств, а ее возникновение относят к началу 1990-х гг. и связывают с работами Дж. Найи. В то же время, в работе выявлен ряд концепций, теорий и практических действий стран в рамках внешней политики, отражающих содержательно концепцию «мягкой силы» до ее формальной разработки Дж. Найем. Таким образом, за Дж. Найем решено признать авторство термина «мягкая сила», попытки размежевания «мягкой» и «жесткой» силы в контексте инструментов внешней политики государств, а также анализ проводимой рядом стран внешней политики в контексте использования инструментов «мягкой силы». С некоторым допущением можно считать, что Дж. Найи предпринял попытку обобщения несистематизированного многолетнего опыта реализации «мягкой силы», что и позволяет рассматривать его как одного из авторов концепции «мягкой силы» для описания исторически свойственных мировой политической системе инструментов, а также объективных процессов развития мирового общества.

В работе выделен узкий и широкий подход к трактовке «мягкой силы». Узкому подходу соответствует рассмотрение ее исключительно как деятельности органов власти отдельного государства в отношении другого государства, широкому - развитие совокупности гуманитарных ресурсов государства вне активных усилий государственных органов. Также решено выделить конструктивные и деструктивные цели политики «мягкой силы» с отнесением к ним: поражения системы государственного и военно-политического управления «страны-жертвы», парализация экономической активности, дестабилизация социальной и духовной жизни страны; улучшения взаимопонимания между государствами и народами, культурное

взаимообогащение, продвижение национальных интересов без сопряжения с агрессивными разрушительными действиями в отношении.

Автором работы разработана собственная точка зрения по составу факторов «мягкой силы» с отнесением к ним интенсивности развития глобализации и сопряженных с ней процессов (в том числе американизации, вестернизации), включая процессы информатизации, развития интернет технологий и т.п.; степени развития средств массовой информации, включая средства интернет; наличия у государства органов власти, специализированных на применении инструментов «мягкой силы»; миграционных процессов (включая диаспоры на территории всех сторон «мягкой силы», а также носителей культуры); языкового барьера.

Практические аспекты применения «мягкой силы» в работе рассматриваются на примере особенностей американской политической стратегии «мягкой силы» в странах Ближнего Востока. Установлено, что современный этап развития внешней политики США в регионе адаптирован с учетом излишне высоких (финансовых и репутационных) затрат на прямое вмешательство США в дела стран региона, активизации политики США в регионе Юго-Восточной Азии и курса на расширение используемых средств «мягкой силы». Характерной особенностью американской стратегии «мягкой силы» на современном этапе выступает ее диверсификация. Несложно заметить, что выбор сочетания инструментов «мягкой силы» США неравномерен для разных стран. Американские эксперты все реже используют некогда популярный термин «мягкая сила», отмечая тот факт, что последние администрации США почти официально говорят об «умной силе» (smart power), которая сочетает «жесткую» и «мягкую» силу, не отдавая предпочтения ни одной из них.

Частные аспекты применения «мягкой силы» США в регионе рассмотрены на примере реализации стратегии «мягкой силы» США в республике Египет; в Республике Ирак; в Сирийской Арабской Республике; в Турецкой Республике. Установлено, что страны региона (и рассматриваемые

страны в частности) характеризуются неравным состоянием факторов, формирующих подверженность стратегии «мягкой силы». К числу таких факторов можно отнести наличие языкового барьера, исламистский характер политических и социальных систем, неравномерный уровень развития интернет технологий. На примере Египта в работе продемонстрирована практическая реализация стратегии «мягкой силы» США, опробованная ранее на странах постсоветского блока: гуманитарная помощь, содействие в развитии демократических процессов, образовательные программы, гранты оппозиционным партиям, активная медийная поддержка оппозиционных партий и физических лиц. Установлено, что наличие частных характеристик социально-политических систем стран Ближнего Востока, отличающих их от стран Европы, в отдельных случаях создало предпосылки переформатирования ненасильственных протестов в вооруженные действия. Также установлено, что из рассмотренных стран лишь Турция, обладая наиболее высоким экономическим потенциалом и уровнем интеграции в европейскую политическую систему среди всех стран региона, смогла купировать последствия применения «мягкой силы» США и не допустить революционной смены власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.)
3. Аватков В.А., Баранчиков А.А. "Бесшумная революция" президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана // Мировая политика. - 2017. - № 4. - С. 1-13.
4. Априянц К.В. «Твиттер-революции»: микроблоги как инструмент выражения протестных настроений гражданского общества // Вестник ВГУ. Серия: Филология. 2014. № 1
5. Бирюков Е.С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // Международная жизнь. - 2016. - № 11. - С. 85-104.
6. Булгару Д.И. Трансформация внешней политики США в отношении Сирии накануне "арабской весны" // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2017. № 12 (335). С. 55-63.
7. Голобородько А.Ю., Сериков А.В. Дискурс «мягкой силы» в контексте конструирования имиджа современной России: факторы и технологии формирования конкурентной идентичности // Гуманитарий Юга России. - 2015. - № 4. - С. 41-50.
8. Давыдов А.А. Арабские революции 2011 г.: системная диагностика // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. М., 2012. С. 175–176.
9. Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. - 2014. - № 4. - С. 86–93.
10. Ди Ч. КНР: роль социальных медиа в диалоге общества и власти // Век информации. 2016. - № 2. - С. 277-279.

11. До М.К. Внешние факторы повышения «мягкой силы» Китая / В книге: «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт Дальнего Востока Российской академии наук". Москва, 2015. С. 146-165.
12. Дуреева Н. С. Глобализация как конструирование нового мирового порядка// Философия образования. – 2008. - № 4. – С. 232.
13. Егошин В.Н. Гражданская война в Ливии и Сирии как объект геополитического информационного противостояния российских и американских СМИ // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. - 2017. - № 1 (7). - С. 252-262.
14. Ермаков Ю.А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. - 2013. - Т. 119. - № 4. - С. 215–225.
15. Заблоцкий Ф.Ю. Сирия в ближневосточной политике США в начале XXI в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. - 2015. - Т. 1. № 12. - С. 15-17.
16. Зарянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // Мировая политика. - 2015. - № 1. - С. 89-122.
17. Зарянов Е.П. Теоретические социально-политические основы концепта «мягкой силы» // ВВ: Проблемы общества и политики. - 2014. - № 7. - С. 19-41.
18. Звягина Д.А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2012. - № 11-2. - С. 94-98.

19. Кара-Мурза С. Открытость глобальному рынку: экономическая и виртуальная реальность / С. Кара-Мурза // Вестник Московского экономического института. – 2000. – № 1. – С. 35 – 40.
20. Клименко И.А. Политика США в отношении Ливии при администрации Б. Клинтона (1993-2001 ГГ.) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2010. № 3-4. С. 127-131.
21. Ковалевская Н.В. Роль испанского языка как «мягкой силы» во внешней политике Испании // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - Т. 7. - № 5-2. - С. 141-145.
22. Копосова Е.Н. К вопросу о мирополитических составляющих кризиса в Ливии // Право и управление. XXI век. - 2015. - № 3 (36). - С. 191-195.
23. Костарева Е.А. СМИ как фактор «мягкой силы» США // Перспективы науки. - 2011. - № 2 (17). - С. 57-60.
24. Леонова О.Г. "Мягкая сила", её индикаторы и инструменты измерения // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2017. - Т. 2. № 2. - С. 15-23.
25. Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель – Observer. – 2015. - №2. - С.80 – 89.
26. Мазин П.В. Здравоохранение как структурный фактор суверенитета и «мягкой силы» / В сборнике: Проблема суверенности современной России Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Центр научной политической мысли и идеологии. 2014. - С. 345-350.
27. Макарычев М. Проблема в неравенстве // Российская газета. 18.05.2011 URL: <http://www.rg.ru/2011/05/18/dubai-site.html>.
28. Манойло А.В. Сирия и Иран в политике США: ливийский сценарий повторяется // Международные отношения. - 2013. - № 1. - С. 4-12.

29. Мартыненко Е.В. Характер информационной войны между Россией и США В Сирии // Общество: политика, экономика, право. - 2016. - № 9. - С. 9-12.
30. Матвеевская А.С., Погодина В.Л. Образовательный туризм как фактор «мягкой силы» в международных отношениях / В сборнике: Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом Материалы III Международной научно-практической интернет-конференции . Ответственный редактор О.А. Лях. 2016. - С. 374-395.
31. Муса Кызы А.М., Оморова С.О. Эволюция содержания понятия "мягкая сила" в турецкой политической мысли // Известия ВУЗов Кыргызстана. - 2015. - № 9. - С. 126-129.
32. Най Д. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 335 с.
33. Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. 2016. - №1. – С.73-86.
34. Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. — 274 с. – С.187.
35. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. С. 730.
36. Панарин А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – М.: Эксмо, 2003. – 416 с.
37. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4. С. 91–97.
38. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО(У). - 2014. - № 2. - С. 14–20
39. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. - 2015. - № 11 (310). - С. 59-73.

40. Репешко Е.А. Ливийский вектор политики НАТО и его роль в падении режима Каддафи // Вестник Брянского государственного университета. - 2013. - № 2. - С. 78-83.
41. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. - 2010. - № 10. - С. 173–192.
42. Рыбакова М.Г. Символы и знаки как фактор мягкой политической силы в процессе воздействия на общественное сознание // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. - 2015. - Т. 210. - С. 215-222.
43. Сапронова М. Генезис арабских революций // Международные процессы. Сентябрь-декабрь 2011. - С. 129.
44. Сафронова Е.И. Проект «один пояс, один путь» - комплексный фактор «мягкой силы» Китая / В сборнике: Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС Москва, 2017. С. 60-77.
45. Тетерюк А.С. «Мягкая сила»: фактор кинематографа // Международная аналитика. - 2014. - № 2 (8). - С. 170-177.
46. Тетерюк А.С., Чижевский Я.А. Сценарий смены политического режима: ливийский казус // Геополитический журнал. - 2015. - № 3 (10). - С. 70-82.
47. Филимонов Г.Ю. Внешняя культурная политика США как компонент «мягкой силы»: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 Москва, 2007 187 с.
48. Фролова О.А. Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2013. - № 3. - С. 4
49. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова / С. Хантингтон. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. – 635 с.

50. Цатурян С.А. Стратегия ненасильственного сопротивления на Ближнем Востоке и в Северной Африке: роль США // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2012. - № 9 (513). - С.79
51. Шумилин А.И. Подход администрации Обамы к событиям в Ливии // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2011. - № 12. - С. 83-91.
52. Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М., 2015. С. 248, 251.
53. Campbell, Cathleen. US Science Diplomacy with Arab Countries. In: DAVIS, Lloyd;
54. CANVAS. Official web-site. URL: <http://www.canvasopedia.org>.
55. Congressional Records: 1996. June 18. URL: <http://www.gpoaccess.gov/crecord/index.html>.
56. Dolan, B. Science and Technology Agreements as Tools for Science Diplomacy: a U.S. Case Study. Science & Diplomacy, vol. 1, n. 4, 2012
57. Grix J., Houlihan B. Sports mega-events as part of a nation's soft power strategy: the cases of Germany (2006) and the UK (2012) //The British journal of politics and international relations. – 2014. – Т. 16. – №. 4. – С. 572-596.
58. Kassim S. Twitter Revolution: How the Arab Spring Was Helped By Social Media [Электронный ресурс] // Policymic. 3 July, 2012. – Режим доступа: <http://www.policymic.com/articles/10642/twitter-revolution-how-the-arab-springwas-helped-by-social-media>.
59. Middle East Initiative Partnership. About Us. URL: <http://www.medregion.mepi.state.gov/mepi/about-us.html>.
60. Nye J. S. Soft power //Foreign policy. – 1990. – №. 80. – С. 153-171.
61. Nye Joseph, Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. 222 p.
62. Nye, Joseph Jr. (2011) “The Future of Power” Public Affairs, New York.

63. Nye, Jr., Joseph. (2004) "Soft Power: The Means to Success in World Politics" New York Public Affairs;
64. Patman, Robert (eds.). Science Diplomacy: new day or false dawn? World Scientific Publishing Company, 2015, chapter 2.
65. Remarks by the President at Cairo University, 6-04-09 // The White House. Office of the press secretary. <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairouniversity-6-04-09>.
66. Rugh W. A. American encounters with Arabs: the "soft power" of US public diplomacy in the Middle East. – Greenwood Publishing Group, 2006.
67. Rugh W. American soft power and public diplomacy in the Arab world //Palgrave Communications. – 2017. – T. 3. – C. 16104.
68. Secretary Clinton Announces Civil Society 2.0 Initiative to Build Capacity of Grassroots Organizations. Marrakech, Morocco. November 3, 2009// US Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/nov/131234.htm/>
69. Sharp G. 198 methods of nonviolent action //The politics of nonviolent action. – 1973.
70. Sharp G. From dictatorship to democracy: A conceptual framework for liberation. – The New Press, 2012.
71. Solomon J. To Check Syria, U. S. Explores Bond with Muslim Brothers // The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wsj.com/articles/SB118530969571176579>.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись   инициалы, фамилия
«ТЮ»   ТЮ   2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения
профиль подготовки 41.03.05.01 Международные отношения и внешняя
политика

Политика "мягкой силы" США в странах Ближнего Востока в XXI веке

Руководитель

Мороз 24.05.21 профессор, д.и.н
подпись, дата   должность, ученая степень

Е.В. Мороз
инициалы, фамилия

Выпускник

Серышев 24.05.21
подпись, дата

И.П. Серышев
инициалы, фамилия

Красноярск 2021